

Содержание:

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что в российском государстве, как и во многих других странах, к одному из основных способов защиты неимущественных благ относится гражданско-правовой институт возмещения (компенсации) морального вреда. Этот институт уже несколько десятилетий закреплен в действующем российском законодательстве. То, каким образом возмещается моральный вред, можно считать своеобразным показателем общественного морального здоровья, развитости правовой системы общества.

Постоянно меняющиеся условия общественного развития приводят к необходимости усовершенствования правового регулирования соответствующих институтов, включая отношения по возмещению морального вреда. Такая необходимость объясняется тем, что в правоприменительной практике на сегодняшний день имеются самые разные подходы к судебным решениям, принимаемым по делам о компенсации морального вреда, несмотря на наличие довольно подробной полной нормативно-правовой базы. Это, в свою очередь, увеличивает интерес правоведов к данному институту, что приводит к дискуссиям в научных кругах касательно правовой регламентации возмещения морального вреда в частности и защиты нематериальных благ в целом.

Именно от верного законодательного, теоретического и практического решения проблемы возмещения морального вреда во многом зависит успешность действенного поддержания устойчивого, надлежащего социального правопорядка.

Целью данной работы является изучения особенности возмещения морального вреда по российскому законодательству. Для реализации поставленной цели нами были сформулированы следующие задачи: определить понятие морального вреда в гражданском праве; изучить особенности правового регулирования возмещения морального вреда по дореволюционному законодательству; рассмотреть правовое регулирование возмещения морального вреда в советский период; проанализировать проблемы доказывания морального вреда в гражданском процессе; рассмотреть проблемные вопросы определения размера морального вреда; изучить вопросы возмещения морального вреда юридическим лицам.

Степень разработанности темы. Вопросы возмещения (компенсации) морального вреда активно изучались отечественными правоведами как советского, так и современного периода. Среди относительно недавних диссертаций и монографических исследований можно назвать работы С. М. Воробьева («Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование)», 2014 г.), А. В. Ключкова («Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности», 2004 г.), Е. П. Редько («Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав», 2009 г.), В. С. Романова («Моральный вред как институт гражданского права», 2006 г.), А. Т. Табунщикова («Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве», 2007 г.) и др.

Среди использованных в работе научных трудов советских юристов в первую очередь можно назвать таких авторов, как М. М. Агарков, А. М. Зейц, В. А. Тархов, Е. А. Флейшиц. Научные статьи последних лет представлены такими авторами, как А. Е. Багдасарова, С. А. Беляцкин, В. В. Богдан, Т. В. Геворкян, М. Е. Жаглина, С. В. Зимнева, А. И. Ибрагимова, Л. А. Иммель, М. М. Колесникова, И. Ю. Костенкова, Н. А. Лукьянова, А. В. Малый, В. В. Маросина, Е. А. Михно, В. Плотников, С. В. Потапенко, Т. Н. Пушкина, О. В. Родионов, М. А. Рожкова, А. В. Семенова, И. В. Сергеев, А. К. Сисакьян, Т. К. Складанная, Е. Ф. Сливкина, М. А. Степанов, О. С. Таройкина, А. Тренклер, Е. С. Юлова.

Несмотря на обилие научных работ по возмещению морального вреда, вследствие разнообразия мнений и противоречивой правоприменительной практики по данному вопросу дальнейшее исследование представляется необходимым.

1. Институт морального вреда и история его правового регулирования в российском государстве

1.1. Понятие морального вреда в гражданском праве

Как способ защиты гражданских прав возмещение морального вреда в определенной степени имеет такой же универсальный характер, как и другой

способ – признание права. Происходит это вследствие того, что моральный вред гражданину или группе лиц может причиняться фактом нарушения любого из принадлежащих ему (им) субъективных гражданских прав.

В юридической литературе (Л. А. Иммель) под возмещением морального вреда подразумевается предоставление субъекту права денежной компенсации за причиненные ему вследствие нарушения принадлежащего ему права физические и нравственные страдания [30, с. 84].

Е. П. Редько компенсацией морального вреда как способа защиты гражданских прав называет материально-правовую меру принуждения, посредством которой реализуется воздействие на правонарушителя нематериальных благ либо личных неимущественных прав для компенсации потерь, возникших из-за нарушения этих благ или прав [43, с. 9]. В таком виде компенсация морального вреда является некой формой гражданско-правовой ответственности. В свою очередь, компенсацию морального вреда как форму гражданско-правовой ответственности можно определить как форму имущественных лишений, которые претерпевает правонарушитель из-за нарушения нематериальных благ либо личных неимущественных прав.

Взыскание компенсации морального вреда, по мнению О. С. Таройкиной и С. В. Зимневой, призвано оказывать положительное влияние на имущественную сферу потерпевшего в целях сатисфакционного возмещения понесенных потерь в результате испытанных им морально-нравственных страданий, переживаний и неудобств [54, с. 200].

Что касается непосредственно понятия морального вреда, на законодательном уровне оно закрепляется в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), где о моральном вреде говорится как о физических или нравственных страданиях, причиненных гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на другие принадлежащие гражданину нематериальные блага.

Вопросы возмещения морального вреда регламентируется также целым рядом прочих нормативных правовых актов из самых разных отраслей права. Эти нормы входят в гражданско-правовой институт обязательств из причинения вреда, в пределах которого объединяются в отдельный субинститут. В его состав входят ст. 45, 46 Конституции Российской Федерации [1], ст. 8, 12, 151, § 4 (ст. 1099-1101) гл. 59 ГК РФ. Сходные нормы иных правовых актов других отраслей права (трудового,

уголовно-процессуального и др.) являются специальными, однако вследствие положения абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ к приоритетным не относятся. К тому же, обычно они рассматриваются как отсылочные, вследствие чего только формируют единое правовое поле решения этой проблемы, способствуют уяснению характера вредоносных деяний и выявлению своеобразия правоотношений по компенсации морального вреда. При этом основания их динамики, способ и размер компенсации устанавливаются на общих и единых нормах ст. 151, 1099-1101 ГК РФ. Таким образом, они закрепляют общую модель деликта компенсации морального вреда вследствие нарушений личных прав физических лиц [54, с. 201].

Вместе с тем, как показывает анализ юридической литературы, вариантов определения морального вреда, предложенных учеными-правоведами, довольно много. При этом, как полагает К. В. Капустенский, однозначное определение рассматриваемого понятия дать не представляется возможным вследствие его многогранности [31, с. 12]. Поэтому в литературе отсутствует единое мнение по поводу определения морального вреда.

По мнению В. С. Романова, моральный вред представляет собой совокупность нравственных или физических страданий, которые переживаются из-за противоправного нарушения нематериальных благ и / или неимущественных прав гражданина или иных обстоятельств, имеющих для него личностный характер [46, с. 9].

А. В. Клочков утверждает, что применяемые в законодательстве, правоприменительной практике и теоретических научных исследованиях термины «моральный вред» и «компенсация морального вреда» в недостаточной мере отражают суть указанных правовых явлений, что связано это с тем, что не всегда физические страдания относятся (даже косвенно) к морали, поскольку мораль представляет собой общественную необходимость, потребность, интересы общества, выражающиеся в виде стихийно сформировавшихся и общепризнанных предписаний и оценок, подкрепленных силой массового примера, привычки, общественного мнения. По его мнению, суть морального вреда лучше всего раскрывается посредством использования термина «психический (душевный) вред» [32, с. 7].

С А. В. Клочковым соглашается О. Н. Родионов, который также указывает на некорректность формулировки определения морального вреда. Он отмечает, что категория «нравственные или физические страдания» не отражает сущности и не дает полного представления о содержании морального вреда, вследствие чего

предлагает изменить традиционно используемое определение морального вреда и изложить его с применением термина «психологические страдания» [44, с. 182].

По мнению Е. А. Багдасаровой, подобный подход является вполне обоснованным, поскольку даст возможность показать эмоциональную составляющую рассматриваемых правоотношений в гражданско-правовом аспекте и будет способствовать формированию логически выверенной терминологии в сфере правового регулирования отношений по компенсации морального вреда [22, с. 74].

Е. П. Редко полагает, что вследствие того, что понятие «моральный вред» не соответствует законодательному содержанию изложенному в ч. 1 ст. 151 ГК РФ, необходимо заменить его термином «неимущественный вред», под которым необходимо понимать физические и (или) нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага [43, с. 8].

А. Т. Табунщиков отмечает, что поскольку, как было отмечено выше, моральный вред находит выражение в негативных изменениях психической деятельности человека, правильнее было бы использовать понятие «психический вред» [53, с. 67].

Для устранения разногласий между правоведами и более точного толкования рассматриваемого понятия в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [11] дается его разъяснение. Так, под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Как полагает Т. В. Геворкян, указанное в постановлении определение полностью отражает специфику самого понятия. Моральный вред может выражаться в страхе, унижении, беспомощности, переживаниях и ином дискомфортном состоянии в связи с невозможностью продолжать общественную жизнь, потерей родных и близких, потерей работы, раскрытие врачебной тайны, распространением

сведений, которые не соответствуют действительности и др. [26, с. 69-70].

Таким образом, по мнению К. В. Капустенского, к числу нравственных страданий можно отнести любое неблагоприятное в психологическом аспекте состояние и любое неправомерное действие либо бездействие, которое может лишить потерпевшего полностью либо частично психического комфорта или благополучия [31, с. 13].

В то же время, как утверждает Т. А. Складанная, физические страдания могут быть не сопряжены с органическими повреждениями (увечьями, травмами). Они имеют субъективную природу, и в силу этого их нельзя оценить по каким-либо объективным критериям. Физические страдания и моральный вред лишены экономического содержания, а их возмещение имеет компенсационный характер. Моральный вред касается только психической сферы лица и не затрагивает его органическую сферу. А термин «физические страдания», приводимый в ст. 151 ГК РФ, необходим при решении вопроса о компенсации морального вреда, поскольку физические страдания вызывают нравственные страдания, негативные изменения в состоянии психического благополучия [49, с. 119].

Вместе с тем, несмотря на полноту приведенного в указанном выше постановлении определения, М. М. Колесникова и А. В. Семенов указывают на то, что судом не дано общее определение понятий «физических» или «нравственных» страданий. Между тем, четкое определение указанных понятий является необходимым, поскольку будет способствовать устранению трудностей, возникающих в правоприменительной практике, т. к. размер компенсации морального вреда напрямую «привязан» законодателем к характеру нравственных и физических страданий потерпевшего согласно ст. 1101 ГК РФ [33, с. 76].

По мнению Е. Ф. Сливкиной, имеется неудачная попытка раскрыть содержание такого вида морального вреда, как «страдания нравственные». В частности, суд под ним понимает «переживания» [50, с. 93].

Самим термином «страдания» уже заранее предопределяется обязательность определенной психической реакции пострадавшего в ответ на действия правонарушителя. Именно интеллектуальное осознание потерпевшим умаления своего блага вызывает у него психологический дискомфорт и приводит к нарушению нормального биологического функционирования его организма. Поэтому в целом страдания являются психической реакцией человека на нарушение принадлежащего ему блага, а следовательно, самостоятельное

использование термина «физические страдания» не несет практического значения, т. к. такие страдания (абсолютно также, как «нравственные») отражаются только в психике потерпевшего (имеется в виду эмоциональная сфера). Следовательно, термин «нравственные и физические страдания» вполне может быть заменен термином «переживания», под которыми в составе понятия «моральный вред» в гражданском законодательстве будут пониматься любые дискомфортные состояния, негативные эмоции пострадавшего, вызванные нарушением принадлежащих ему как нематериальных, так и материальных благ [50, с. 94].

1.2. Возмещение морального вреда по дореволюционному законодательству

История развития права показывает, что для российского гражданского законодательства институт компенсации морального вреда является сравнительно новым. Вместе с тем, задумки о понятии «моральный вред» и его «компенсация» имеют свою историческую предпосылку.

А. Т. Табунщиков утверждает, что прошлое России не дает основания полагать, что частные лица могли в судах домогаться возмещения только имущественного вреда. Убийства, увечье, обиды с давних пор предоставляли право потерпевшему искать денежное вознаграждение за моральный вред в свою пользу. В самые ранние эпохи государство поощряло получение такого вознаграждения с нарушителя, чем обеспечивалось вытеснение обычая личной расправы с ним (мести) со стороны родственников потерпевшего или самого потерпевшего [52, с. 8].

Например, при имущественных нарушениях (воровство, незаконное пользование чужой собственностью) полагалось, кроме возмещения имущественного ущерба, особое денежное вознаграждение «за обиду». При этом, как утверждает С. А. Беляцкий, в древности обида понималась в самом широком значении, в том числе как нарушение личных прав, как грубое вторжение в чужую имущественную сферу, т. е. в том же смысле, в каком она понималась еще в древнем римском государстве [23, с. 37].

В дошедших до настоящего времени договорах, которые являются первыми письменными источниками древнерусского права, заключенных с греками князем Олегом в 911 г. и князем Игорем в 945 г., наличествует ряд положений,

относящихся к гражданскому и уголовному праву и регулирующих наказание за уголовные преступления, в том числе связанные с выплатой материального вознаграждения. Например, ст. 4 договора 911 г. и соответствующая ей ст. 13 договора 945 г., регулирующие ответственность за убийство, предусматривала обращение в пользу родственников убитого в случае бегства убийцы его имущества (при наличии такового у последнего). При отсутствии такого имущества нужно было производить поиски виновного и при обнаружении предавать его смерти. В ст. 5 договора 911 г. и ст. 14 договора 945 г. также закреплялась обязанность по выплате денежного взыскания за причинение телесных повреждений. За имущественные преступления денежное взыскание было установлено в ст. 6 договора 911 г. А. Т. Табунщиков полагает, что указания названных договоров по праву можно считать родоначальниками современного института компенсации морального вреда [52, с. 8-9].

Следующим этапом в развитии института компенсации морального вреда в российском праве является принятие первого кодификационного акта – Русской правды X-XI вв., предусматривающей целый ряд статей, направленных на защиту чести, жизни, здоровья, а также имущественной сферы человека. Согласно этому первому кодексу русского права, причинитель вреда должен был возместить не только имущественный, но и моральный вред. Между тем, само понятие «моральный вред» в нормах Русской Правды, как и в других, более поздних источниках, отсутствовало, хотя его отдельные элементы в системе мер наказания рассматриваемого исторического периода встречались. Например, в ст. 1 Русской Правды закреплялось право на кровную месть; в случае отсутствия виновного в порядке компенсации за убийство мужчины уплачивался штраф определенному кругу его родственников. Плата в 40 гривен платилась за голову свободного гражданина или семьянина, а за убийство боярина или иного знатного господина компенсационная сумма составляла уже 80 гривен. За убийство раба вира равнялась 12 гривнам. Согласно ст. 3 Русской правды за причинение телесных повреждений батоном, жердью, пястью, чашей, рогом, тылеснею острого оружия взимался штраф в размере 12 гривен. Таким образом, за причинения смерти или увечья рассматриваемый древнерусский источник права допускал денежную компенсацию. Кроме того, по Русской правде компенсацию неимущественного вреда влекло за собой оскорбление потерпевшего такими действиями, как удар необнаженным мечом (ст. 4), рвание бороды, усов (ст. 8) – при совершении такого оскорбления в пользу потерпевшего с обидчика взыскивалось 12 гривен [43, с. 13-14].

Со временем (около 1050 г.) власть родственников над убийцей была ограничена, и кровная месть полностью заменилась головщиной. Головщина, или головничество (выкуп), на Руси и в России просуществовала почти 500 лет.

В целом Русская правда закрепила четыре вида денежных наказаний за причинение вреда потерпевшему, которые, по мнению С. М. Воробьева, стали прототипами современной компенсации: головничество (головщина), вира (обыкновенная и дикая), продажа, урок. Одна часть таких денежных взысканий шла в пользу потерпевших от нанесенных преступлением вреда или обиды лиц, а другая обращалась в княжескую казну [25, с. 146-147].

Таким образом, на ранних этапах развития Древней Руси институт возмещения морального вреда в общем имел довольно самобытный характер, допускавший применение своих правовых способов его восполнения (вира, урок и т. д.). Вместе с тем, несмотря на указанное обстоятельство, формирование анализируемого института имело прямое отношение к рецепции в отечественную правовую систему и культуру римского и византийского права, а также к распространению на Руси идей христианства. В конечном итоге это привело к кодификации многих норм, касающихся денежной формы компенсации морального вреда, размер которой определялся сословным положением потерпевшей стороны [25, с. 152].

Третий этап развития института компенсации морального вреда, по мнению А. Т. Табунцикова, относится к периоду становления Московского государства. При усилении центральной государственной власти государство стремилось к тому, чтобы взять на себя ответственность по защите нематериальных благ, и создавало соответствующие уголовные наказания для правонарушителей [53, с. 9].

По Судебнику Ивана III (1497 г.) головщина взималась из имущества убийцы. Также преступник должен был находиться в «казни и продаже боярину или дьяку». В тех случаях, когда убийца не имел возможности заплатить годовщину родственникам убитого, он им не выдавался, а подлежал смертной казни. Судебник Ивана V (1550 г.) сохранил право предъявления гражданского иска за убийство. Иск же о возмещении ущерба за убийство на законодательном уровне был закреплен уже в более поздних источниках русского права. Кроме того, оба указанных Судебника в своем содержании имели целый ряд постановлений о взыскании так называемого «бесчестья» – денежной суммы в пользу обиженного; сумма эта была поставлена в зависимость от того, к какому сословию принадлежал пострадавший [53, с. 10].

Следующим, уже более совершенным, источником института компенсации морального вреда в России стало Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., которое детально регламентировало, сколько полагается за «бесчестье» людям разного звания, городским и сельским жителям, служивым и духовным лицам. Согласно Соборному Уложению 1649 г. к смертной казни убийцы прибавлялось взимание в казну половины имущества убийцы; вторая половина имущества передавалась по их просьбе жене, детям и роду убитого [43, с. 14].

Кроме того, в Соборном Уложении 1649 г. основания компенсации морального вреда были значительным образом расширены. Ответственность предусматривалась не только за физический вред, но и за оскорбление чести в виде обиды, за клевету, распространение порочащих слухов и т. п. При этом законодатель конкретно закреплял критерии определения размеров вреда, а в некоторых случаях указывалась твердая денежная сумма [43, с. 15].

По мнению А. Т. Табунщикова, произошедшие в правовой системе России изменения при ее вступлении в эпоху абсолютизма, стали предпосылками для выделения следующего этапа развития института компенсации морального вреда. Действовавшее гражданское право было систематизировано в X томе Свода законов, значительное место в котором отводилось обязательственному праву, что было обусловлено развитием товарно-денежных отношений. Были закреплены обязательства из договора и обязательства из причинения вреда; для наступления последних было необходимо наличие вины со стороны правонарушителя [53, с. 12].

Всерьез вопросом о правовой природе и сущности морального вреда задались только правоведы Российской империи в конце XIX – начале XX в. В российском имперском праве институт морального вреда даже к XIX в. в большинстве своем представлял частичное компилирование статей с зарубежных нормативных актов. И. В. Сергеев полагает, что помещая в Свод законов гражданских статей, закрепляющие ответственность за неимущественные правонарушения, законодатель не осознавал, что представляет собой механизм правового регулирования возмещения морального вреда и на что он ориентирован. Более того, вплоть до XIX в. не был решен вопрос о сути и цели возмещения морального вреда – для наказания правонарушителя и, как следствие, восстановления справедливости (этот принцип был положен в основу уголовного законодательства) или исключительно для возмещения понесенных потерпевшим убытков [47, с. 29].

Как полагает И. В. Сергеев, идея включения в Свод законов гражданских норм, санкция которых предусматривала гражданско-правовую ответственность за причинение морального вреда, была вызвана тенденциями правовых систем европейских государств, о чем свидетельствует частичная схожесть статей Свода законов гражданских в касающейся деликтной ответственности части с некоторыми европейскими законодательными памятниками. К примеру, английскому прецедентному праву было чуждо законодательное разграничение материального и морального вреда: английский закон предполагал обязанность правонарушителя вознаградить потерпевшего за «любой вред». При этом при определении величины вознаграждения суд не обязан был принимать во внимание только размер причиненного вреда – могли учитываться различные влияющие на величину вознаграждения субъективные обстоятельства. Разница между реальной стоимостью вещи и размером назначенного вознаграждения и являлась компенсацией за моральный вред. Вероятнее всего, данный принцип и был заимствован отечественным законодателем [47, с. 30].

С. М. Воробьев утверждает, что в юридической теории и судебной практике XIX в. сформировались необходимые предпосылки для легализации термина и правового института «моральный вред» в нормах российского права. Сформулированное в ранее действовавших Законах гражданских определение термина «бесчестье» более не соответствовало теоретическим исследованиям права и не удовлетворяло практикующих юристов. Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения в первоначальном издании Законов гражданских (1832 г.) в ст. 380 дала следующее определение: «Денежное вознаграждение, определяемое судом гражданским в удовлетворение за обиду, когда она не есть беда тяжкая, подлежащая суду уголовному, называется бесчестьем» [25, с. 170].

Завершающий этап развития института возмещения морального вреда в Российской империи начался с принятием Закона от 21 марта 1851 г., в котором во многом были отражены исторические начала. Вместе с тем, в нем наличествуют отражения влияния европейского права. Указанный закон предусматривал ответственность за вред и убытки, последовавшие от «преступных деяний или проступков» (ст. 644-683), а также за «вред и убытки, последовавшие от деяний, не признаваемых преступлениями и проступками (ст. 684-689). При этом, по мнению И. В. Сергеева, необходимо акцентировать внимание на самой формулировке «за вред и убытки». Как он полагает, такое разграничение понятий обуславливается осознанием со стороны законодателя разности широты данных понятий. В этом случае под «убытками», вероятнее всего, подразумевался имущественный

(материальный) вред, а под «вредом», в широком смысле слова, понимался физический и (или) моральный вред [47, с. 31].

1.3. Правовое регулирование возмещения морального вреда в советский период

В советский период в отечественной науке складываются теоретические представления об институте компенсации морального вреда, однако на законодательном уровне право гражданина на компенсацию морального вреда не признается. Принимавшиеся в это время советской властью нормативные акты способствовали только развитию и поднятию авторитета социализма, что не давало гражданам реализовывать свои права и правовую свободу в полном объеме [25, с. 180].

Развитие института возмещения морального вреда в СССР во многом зависело от названных политических перемен в стране. Однако создание новой советской правовой базы в послеоктябрьский период не оказало должного содействия в становлении рассматриваемого института. В 1917 г. был разработан законопроект «Об обязательном праве», который предусматривал возможность «компенсации нравственного вреда, причиненного в случае нанесения телесных повреждений, при лишении свободы, даже если потерпевший не понес убытков ... в случае неисполнения должником своих обязательств, при наличии умысла или грубой неосторожности» [38, с. 90].

В указанном проекте закона «Об обязательном праве» закреплялась ответственность за нравственный вред практически во всех договорных отношениях и только в отдельных деликтах. Последнее обстоятельство, по мнению С. М. Воробьева, было главным недостатком данного проекта. Кроме того, происходившие в России изменения сделали невозможным его принятие по объективным причинам. Таким образом, институт возмещения морального вреда стал считаться «чужим» в советской правовой системе, поскольку признавался ею западным [25, с. 182].

После революции 1917 г. мнение о недопустимости такого возмещения оказалось преобладающим, поскольку личность советского человека «много выше того, чтобы ее достоинство можно было оплатить» [48, с. 95], в связи с чем гражданское законодательство послереволюционной России вплоть до 1990 г. не

предусматривало ни самого понятия морального вреда, ни возможности его возмещения. Однако после вступления в силу Гражданского кодекса 1922 г., ознаменовавшего переход советского государства к новой экономической политике, споры о компенсации морального вреда не прекратились среди ученых-правоведов.

Буржуазный характер института морального вреда, как правило, объяснялся тем, что только в буржуазном обществе честь и совесть могли оцениваться в деньгах и продаваться. Резко критиковал предложения о возмещении морального вреда А. Зейц, возражения которого сводились к тому, что идея возмещения морального вреда по своей сущности является буржуазной, вследствие чего она чужда советскому правосознанию. По его мнению, охрана неприкосновенности личности составляет цель уголовного, а не гражданского права. Повреждение здоровья может только тогда служить основанием для гражданско-правовых притязаний, когда оно создает для потерпевшего имущественный ущерб [28, с. 1465-1466].

Некоторые авторы приходили к мнению, что вред представляет собой некое уменьшение материального благосостояния потерпевшего, которое может наличествовать как в результате причинения вреда непосредственно его имуществу, так и в случае причинения нравственного вреда. При этом нравственный вред они анализировали в качестве формы имущественного вреда, поскольку он отражался на материальном положении потерпевшего. Более того, возможность взыскания компенсации морального вреда могла бы способствовать желанию советских граждан получать нетрудовой доход, а также сутяжничеству и тунеядству [48, с. 95].

Во время формирования советского права вопрос о наличии института компенсации морального вреда в системе права стал предметом бурных обсуждений в научных кругах. В свою очередь, это привело к появлению многочисленных противоречивых суждений. Вместе с тем, главной темой в научных исследованиях того времени является идея о том, что «имущественное возмещение неимущественного вреда, которое по существу представляет собою перевод на деньги таких благ как жизнь, здоровье, честь, творческие достижения человека, несовместимо с основными воззрениями советского социалистического общества, с его высоким уважением к личности человека» [57, с. 24].

Таким образом, социалистическая правовая доктрина определяла, что личность советского человека находится на столь недостижимой высоте, что ее нельзя оценивать в денежном эквиваленте. Денежное возмещение неимущественного

вреда воспринималось как унижающее человеческое достоинство, чуждое советскому праву.

В своем диссертационном исследовании О. А. Пешкова пришла к выводу, что несмотря на отсутствие в советское время возможности денежного удовлетворения морального вреда, причиняемого гражданам преступлениями, в цивилистической литературе имелись различные мнения по вопросу его компенсации, которые в целом можно свести к трем точкам зрения: во-первых, идея о том, что компенсация морального вреда принципиально недопустима; во-вторых, мнение, гласящее, что компенсация морального вреда допустима в широком объеме, вне зависимости от того, причинен ли при этом потерпевшему имущественный вред; в-третьих, мысль о том, что компенсация морального вреда позволительна только в ограниченных случаях – при нанесении вреда неимущественным отношениям и нематериальным благам в качестве основного способа защиты этих благ и прав, а также дополнительного способа защиты прав граждан при причинении имущественного вреда, обусловленного деликтными обязательствами [39, с. 8].

В соответствии с господствовавшей доктриной, состоящей в том, что принцип возмещения морального вреда являлся классово чуждым социалистическому правосознанию, судебная практика отличалась стабильностью в рассматриваемом вопросе, и суды неизменно отказывали обратившимся в исках о возмещении морального вреда в денежной форме.

В то же время многие ученые-правоведы не могли обойти стороной данную правовую проблему, поскольку моральный вред наличествовал в действительности, а его последствия иногда были невосполнимы для потерпевшего. Таким образом, среди ученых-цивилистов, специалистов в сфере уголовного и уголовно-процессуального права велись острые дискуссии относительно определения морального вреда. С. М. Воробьев полагает, что это обстоятельство может служить доказательством того, что именно в то время, когда институт компенсации морального вреда не признавался на законодательном уровне, ученые проводили научно-исследовательскую работу по его изучению и возможностям законодательной трактовки [25, с. 185].

В 1939 г. вопрос о возмещении морального вреда был вновь поднят М. М. Агарковым, который предложил следующее его решение – допущение компенсации морального вреда в определенных, указанных в законе случаях. Например, если затронута честь гражданина, то денежная компенсация морального вреда не

может иметь места, поскольку в этом случае его возмещение противоречило бы достоинству гражданина и общественному социалистическому правосознанию. Кроме того, он предложил ввести в гражданское законодательство правило, по которому «в случае, если повреждение здоровья потерпевшего влечет для него длительные страдания или лишения, суд может обязать ответственного лицо уплатить потерпевшему, помимо возмещения за имущественный вред, еще дополнительное возмещение в размере, определяемом судом. При этом суд может обязать уплачивать дополнительное возмещение в виде прибавок к периодическим платежам в возмещение утраты трудоспособности» [21, с. 73].

С. М. Воробьев отмечает, что научная литература советского времени почти не рассматривала проблемы о законодательном регулировании определения размера компенсации морального вреда потерпевшей стороне. Вопросы о возмещении неимущественного вреда, анализа сути проблемы зачастую подменялись «фразеологическими упражнениями», отталкивавшими тех, кто хотел бы найти правильное решение [25, с. 187].

В 50-е гг. эти споры прекратились сами собой, и в дальнейшем – в результате соответствующей пропаганды – в общественном правосознании укоренились представления о недопустимости оценки и возмещения морального вреда в имущественной форме. Появлявшиеся в печати сообщения о случаях присуждения имущественных компенсаций за причиненный моральный вред воспринимались как курьезы, чуждые социалистическому правовому регулированию [53, с. 18-19].

В такой ситуации регулирующее уголовное судопроизводство законодательство предоставляло больше возможностей для материальной компенсации моральных переживаний, чем действовавшее тогда законодательство гражданское. Так, принятый 27 октября 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР впервые включил термин «моральный вред» в качестве одного из оснований для признания лица потерпевшим от преступления: «потерпевшим признавалось лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред» [8].

В ст. 1 принятого в 1964 г. Гражданского кодекса РСФСР говорилось о том, что кодекс «...регулирует имущественные и связанные с ним неимущественные отношения» [7], что послужило поводом к возобновлению споров о возможности присуждения денежного вознаграждения за причиненный моральный ущерб.

В данном случае представляется логичным мнение В. А. Тархова, говорившего, что «иногда неправильно указывают на то, что наше законодательство не допускало

имущественной ответственности за неимущественный вред, поскольку из текста закона нельзя сделать определенного вывода, допускается такое возмещение или нет. Сложившаяся ситуация является отражением толкования судебной практики, которая с самого начала отрицательно относилась к возмещению морального вреда, а затем такое мнение не без борьбы укрепилось и в литературе» [55, с. 139].

А. К. Сисакьян утверждает, что в ходе реформирования российского законодательства, которое берет свое начало в середине 80-х гг. XX в., отечественный законодатель впервые включил в российское право институт компенсации морального вреда в качестве совокупности правовых норм, регулирующих однородные имущественные и связанные с ними неимущественные общественные отношения [48, с. 96].

Однако до начала 90-х гг. институт возмещения морального вреда так и не получил своего правового закрепления в российском гражданском законодательстве. Впервые право на возмещение морального вреда было установлено в Законе СССР «О печати и средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. [9], хотя содержание самого понятия «моральный вред» в нем раскрыто не было. Ст. 39 данного Закона закрепляла норму, согласно которой моральный вред, причиненный гражданину в результате распространения средствами массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средствами массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами.

Начало современного этапа развития института компенсации морального вреда связано с принятием общей нормы, предусматривающей компенсацию морального вреда, в ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. [6], введенных в действие с 3 августа 1992 г. В этой норме впервые была предпринята попытка определить понятие морального вреда, закрепить условия и способы его возмещения.

В ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик также появляется упоминание о моральном вреде: «Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический и имущественный ущерб» [5]. Это и дало основание целому ряду юристов подов внедрять в юридическое сознание общества необходимость материального возмещения морального вреда [48, с. 97].

Правовые новеллы 90-х гг., восстановление института частной собственности стали базой для формирования новой концепции гражданско-правового статуса человека, куда органично вписался и институт денежной компенсации морального вреда.

Выводы. В российском праве институт возмещения морального вреда прошел длинный путь развития, начавшийся еще в период действия Русской правды, причем развитие его протекало очень медленно. С принятием новых законодательных актов нормы, предусматривавшие ответственность за причинение морального вреда, почти не изменялись. Кроме того, к самой идее о денежном возмещении морального вреда в российском государстве сложилось достаточно негативное отношение, имевшее место как в дореволюционной России, так и в советское время. Несмотря на это, исследования советских ученых стали методологической основой создания современного института компенсации морального вреда.

Несмотря на то, что в действующем законодательстве понятие морального вреда закреплено, среди ученых-цивилистов до сих пор идет терминологическая дискуссия, которая хотя и правильная по существу, однако ведущая только к запутыванию проблемы, поскольку очевидно, что используя понятие «моральный вред», законодатель на самом деле вкладывает в него более широкое содержание.

2. Проблемы возмещения морального вреда по современному российскому законодательству

2.1. Проблема доказывания морального вреда

Анализ российской судебной практики последних лет показывает постоянное увеличение числа гражданских дел, связанных с рассмотрением споров о компенсации морального вреда [52, с. 66].

Права участников процесса реализуются только через суд, что прямо закрепляется в ст. 118 Конституции РФ [1]. Именно суд рассматривает и оценивает требования истца и ответчика, их доводы, обоснования, представленные сторонами доказательства. Особенности доказывания, таким образом, следуют из содержания требований сторон, особенностей исследуемых доказательств. Общей целью

судебного доказывания, согласно устоявшейся в юриспруденции традиции, признается установление истины по делу.

При этом не существует прямого указания на то, каким образом эта истина должна быть выяснена в ходе судебного разбирательства. Одним из условий удовлетворения требований истца в научной литературе признается надлежащее доказывание, т. е. соответствие объяснений истца и его доводов действительным взаимоотношениям сторон, установленным судом в процессе рассмотрения дела в судебном заседании [34, с. 74].

Между тем, научная литература не содержит единого мнения по поводу того, что в данном процессе играет первостепенное значение. Некоторые юристы приходят к мнению, что доказывание в делах о моральном ущербе является деятельностью исключительно сторон, которые должны предоставить соответствующие доказательства, опровержения доказательств противника, заявлять ходатайства о дополнительном исследовании обстоятельств, давать объяснения суду. Другие, напротив, указывают на активную роль суда в достижении истины в процессе исследования доказательств. Понятие судебного доказывания определяется ими как деятельность субъектов процесса по установлению при помощи указанных законом процессуальных средств объективной истинности наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами, т. е. фактов основания требований и возражения сторон [34, с. 74].

В современном гражданском законодательстве презумпция морального вреда ни прямо, ни косвенно не закреплена. В этой связи согласно ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] наличие морального вреда, т. е. переживаний, их характер и интенсивность, должен доказать сам потерпевший.

М. М. Колесникова и А. В. Семенов указывают, что как правило, в качестве доказательств в таких судебных процессах применяются различного рода медицинские документы и материалы правоохранительных органов, где отражены полученные телесные повреждения, продолжительность расстройства здоровья, характер оказанной медицинской помощи, последствия, которые возникнут в будущем (например, невозможность иметь детей, инвалидность и т. д.). Довольно часто используются и показания свидетелей, контактировавших с пострадавшим [33, с. 80].

Перечень названных выше доказательств позволяет прийти к выводу о том, что в действительности доказать наличие морального вреда можно при условии, что

причиненные потерпевшему страдания каким-либо образом проявили себя внешне. Обычно такое проявление состоит в ухудшении здоровья потерпевшего. Вместе с тем, душевные переживания могут таких видимых последствий и не повлечь, что в свою очередь крайне затрудняет процесс доказывания [50, с. 95].

Так, смертью близкого родственника, наступившей по вине ответчика, истцам были причинены нравственные и физические страдания. Их требование о взыскании компенсации морального вреда было направлено на новое рассмотрение, поскольку вывод судов нижестоящих инстанций о том, что истцы претерпели нравственные и физические страдания, был сделан без установления юридически значимых обстоятельств, в отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих характер и степень понесенных ими нравственных и физических страданий, связанных с их индивидуальными особенностями; кроме того, суды не привели никаких доводов в обоснование размера присужденной истцам компенсации [12].

Как утверждает А. И. Ибрагимова, наличие морального вреда и его оценка имеют не только объективные (внешне проявленные клеветнические или оскорбительные действия, предпринятые со стороны злоумышленника и правонарушителя), но и субъективные основания (субъективная самооценка и самоуважение самого потерпевшего лица, внутреннее ощущение мировоззренческого и душевного разлада), которые берут свое начало из сугубо личного восприятия подобных противоправных действий со стороны оскорбленного, оклеветанного или преследуемого злоумышленниками человека, который переживает многообразные душевные страдания. По ее мнению, истинность отсутствия или наличия причиненного морального вреда можно проверить не только и не столько путем очевидных и доказанных фактов внешне проявленных попыток причинения морального вреда, сколько личным восприятием предполагаемого потерпевшего и его обращением в правоохранительные органы или суд с заявлением о причинении ему того или иного вида морального вреда [29, с. 164].

Для подтверждения факта наличия морального вреда важно также судебное выявление мотивов совершения того или иного правонарушения, которое могло явиться источником причинения предполагаемого морального вреда. Например, если причинение вреда здоровью или имуществу человека не содержали в себе мотива и цели правонарушителя причинить потерпевшему лицу моральный вред, то факт совершения данного правонарушения не может стать источником причинения потерпевшему морального вреда.

Так, ответчик нанес истице телесные повреждения, причинившие ей физическую боль, мотивом злоумышленных действий ответчика послужило получение от истицы расписки о возврате денежных средств по несостоявшейся сделке, своими действиями ответчик причинил истице моральный вред, который выразился в физических и нравственных страданиях. Требование истицы о взыскании компенсации морального вреда было удовлетворено [18].

Для решения проблемы доказывания наличия морального вреда некоторыми авторами предлагается внести правило презюмирования морального вреда в некоторых случаях. Главным аргументом в пользу необходимости легального закрепления презумпции морального вреда в случае нарушения неимущественных прав гражданина является следующее.

Не вызывает возражений тот факт, что любое правонарушение, в том числе затрагивающее имущественную сферу потерпевшего, оставляет у него ощущение горечи, разочарования, стыда, обиды, а нередко влечет и более серьезные психологические проблемы: психические травмы, фобии и т. д. Презюмирование морального вреда будет способствовать и упрощению доказательственной деятельности в суде, а также устранению противоречий между сложившейся судебной практикой и действующим законодательством [33, с. 81].

Обзор практики российских судов по вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации свидетельствует о том, что суды и сегодня фактически применяют презумпцию морального вреда. При установлении факта неправомерного действия они автоматически считают моральный вред причиненным и далее решают лишь вопрос о размере его компенсации.

В этой связи представляется целесообразным установление в ст. 151 ГК РФ презумпции причинения морального вреда любым противоправным посягательством на неимущественные права потерпевшего. С одной стороны, такая норма сможет освободить истца от необходимости доказывать факт наличия нравственных или физических страданий (несмотря на то, что наличие последних доказать проще). С другой стороны, подобное нормативное положение даст шанс нарушителю опровергнуть данную презумпцию, доказав, что его поведение спорных последствий не повлекло.

2.2. Определение размера морального вреда

Сравнительный анализ морального вреда как института, используемого в различных отраслях законодательства показал, что в настоящее время он охватывает широкий круг правоотношений возникающих не только в гражданско-правовой, но и других сферах деятельности человека. При этом суды исходят из критериев компенсации морального вреда, предусмотренных конкретными нормами определенной отрасли права (трудового, административного, государственного, уголовного и т. д.), которые существенно отличаются друг от друга [46, с. 11-12].

Определение размера компенсации морального вреда относится к одному из проблемных вопросов гражданского правового института. Это связано с тем, что в российском законодательстве нет четко сформулированных критериев и методов оценки размера компенсации морального вреда.

Н. А. Лукьянова говорит о том, что на сегодняшний день возникла ситуация, когда законодатель, закрепляя право на компенсацию морального вреда, не устанавливает единого метода оценки физических и нравственных страданий, не определяет ни минимальный, ни максимальный размер компенсации, предоставляет определение размера компенсации суду [35, с. 68].

При оценке судами размера компенсации морального вреда, причиненного гражданам, часто возникают спорные вопросы, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Л. А. Иммель полагает, что теоретически действующее законодательство не устанавливает верхней границы суммы, которая может быть взыскана с ответчика в качестве компенсации морального вреда. Нравственные страдания вообще не поддаются какой-либо объективной, математической оценки, даже притом, что речь идет о выплате денежной компенсации. Моральный вред, причиненный двум потерпевшим в результате двух одинаковых нарушений их прав и охраняемых законом интересов, всегда будет разным. С другой стороны, возникает опасность злоупотребления истцом своим правом на компенсацию морального вреда [30, с. 84].

В п. 3 ст. 1083 ГК РФ указывается, что суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно. Т. Н. Пушкина отмечает, что данный критерий является факультативным, поскольку уменьшение размера возмещения – право, а не

обязанность суда. Что касается имущественного положения потерпевшего, то ГК РФ не предусматривает какого-либо изменения размера компенсации в зависимости от этого обстоятельства. Хотя нужно отметить, что с точки зрения компенсационной функции возмещения морального вреда (т. е. максимального сглаживания перенесенных потерпевшим страданий) имущественное положение имеет серьезное значение [42, с. 172].

Вместе с тем, В. В. Богдан указывает на то, что судебная практика в области взыскания компенсации морального вреда идет по следующему пути: истец в исковом заявлении о возмещении морального вреда указывает максимальный размер денежной суммы, исходя из того, что суд все равно уменьшит ее. Суммы, взыскиваемые в качестве компенсации морального вреда, как правило, уменьшаются судами в разы, и это притом, что размеры, указанные в исках потребителями, являются вполне разумными и не выходящими за рамки справедливости [24, с. 51].

Так, Петроградским районным судом г. Санкт-Петербурга было принято решение о взыскании компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование и привлечение к уголовной ответственности в размере 30 000 руб. (требуемая сумма компенсации – 150 000 руб., истец был подвергнут уголовному преследованию в течение 34 месяцев и незаконно осужден). Таким образом, моральный вред был компенсирован частично с учетом критерия разумности и справедливости [19].

В другом примере, принимая во внимание, что в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине работника ООО А. были причинены тяжкие телесные повреждения, суд первой инстанции с учетом требований ст. 151 ГК РФ, пришел к выводу о праве истцов на возмещение морального вреда. При этом, определяя размер компенсации вреда, суд указал на фактические обстоятельства дела, степень причинения близким родственниками нравственных страданий, и с учетом обстоятельств дела снизил сумму запрашиваемой компенсации в 7-7,5 раз [17].

Таким образом, опираясь на эмпирические данные и научную литературу, А. Е. Багдасарова констатирует необходимость формирования перечня критериев установления размера компенсации морального вреда в целях снижения роли судейского усмотрения при вынесении решений по рассматриваемой категории дел [22, с. 76].

В ст. 151 ГК РФ законодатель установил ряд критериев, которые должны учитываться судом при определении размера компенсации морального вреда (Приложение 1): степень вины нарушителя; степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред; иные заслуживающие внимания обстоятельства. С введением в действие части второй ГК РФ [3] эти критерии были дополнены другими, установленными в ст. 1101 ГК РФ: требования разумности и справедливости; характер физических и нравственных страданий должен оцениваться судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Т. Н. Пушкина полагает, что сравнительный анализ норм ст. 151 и 1101 ГК РФ показывает, что учитывать в целях определения размера компенсации следует не все фактические обстоятельства, а только заслуживающие внимания. Что касается требований разумности и справедливости, они не обладают достаточной степенью определенности. Поэтому данное требование необходимо рассматривать как обращенное к суду требование соблюдения разумных и справедливых соотношений присуждаемых по разным делам размеров компенсации морального вреда [42, с. 171-172].

Требования разумности и справедливости, степень нравственных и физических переживаний касаются размера суммы компенсации. При этом вина причинителя вреда в обязательном порядке должна учитываться при ее определении. В таких ситуациях, как полагает В. В. Богдан, вполне обоснованно применять «символический размер» компенсации. Если контрагент потребителя объективно не виноват в нарушении прав потребителя, или с момента возникновения спора способствовал его разрешению в добровольном порядке, то «символический размер» компенсации – вполне разумное средство для предотвращения нарушения баланса интересов потребителей и предпринимателей [24, с. 52-53].

В. С. Романов указывает, что закрепление в п. 2 ст. 1101 ГК РФ только норм морали (разумность, справедливость) в качестве критериев оценки размера компенсации морального вреда, повлекло за собой отсутствие мотивировочной части судебных решений: в них нет указаний, чем руководствовался суд при удовлетворении иска, как правило, отсутствует обоснование разумности и справедливости. На основании изложенного он предлагает признать приоритетным направлением научный поиск критериев оценки морального вреда и разработать механизм его определения в материальном выражении [46, с. 12].

По мнению Н. А. Лукьяновой, на сегодняшний день существует несколько методик определения размера морального вреда. Большинство сводятся к предварительному установлению размера компенсации в виде тарифов или четко определенных рамок. При этом возможно применение некой общей формулы, в основу которой заложены презюмируемые моральные страдания, которые должен испытывать средний, нормально реагирующий на совершаемые в отношении него неправомерные действия человек, а размер компенсации может меняться в большую или меньшую сторону в зависимости от конкретных обстоятельств [35, с. 69].

Неоднозначен должен быть подход и при учете судом социального положения лица, требующего компенсации морального вреда в связи с причинением ему нравственных и физических страданий.

На взгляд Т. Н. Пушкиной, размер компенсационных выплат должен быть дифференцированным в зависимости от способа причинения вреда. Если моральный вред причинен в результате распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица, то социальное положение потерпевшего может быть учтено. Связано это с тем, что занятие определенной ступени в социальной иерархии предполагает придание большей значимости социальной оценке субъекта (его деятельности), что, в свою очередь, предполагает и наличие больших страданий при ее умалении [42, с. 172].

В то же время В. В. Маросина полагает, что если моральный вред причинен в результате иных действий (например, причинения физического вреда), то подход здесь аналогичен учету материального положения, т. е. на размер компенсации социальное положение не влияет [37, с. 149].

С. А. Беляцкин в свое время одним из критериев определения размера компенсации морального вреда выделял «искренность страданий», что и на сегодняшний день не утратило своей актуальности. Даже предполагая добросовестность большинства истцов, нельзя исключить возможности предъявления исков о компенсации морального вреда с целью необоснованного получения денежной суммы тогда, когда реально нравственных или физических страданий не испытывает. Вопрос об эмоциональном состоянии лица, а также психофизических особенностях его личности, способных повлиять на восприятие им событий, должен решаться с учетом мнения эксперта-психолога [51, с. 16].

2.3. Вопросы возмещения морального вреда юридическим лицам

В настоящее время очень актуален вопрос, который до сих пор не решен не только в российском законодательстве, теории гражданского права, но и в судебной практике, и касается он возможности взыскания юридическим лицом компенсации морального вреда, причиненного распространению недействительных сведений, в том числе и через средства массовой информации, что ставит под сомнения положительную деловую репутацию организации и является угрозой для успешной деятельности [37, с. 150].

Существует немало противников данной позиции, утверждающих, что компенсация морального вреда возможна и в отношении юридических лиц. Так, В. Плотников полагает, что «моральный вред, причиненный в результате распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, имеет не субъективное («психическое»), а объективное содержание и заключается в отрицательной оценке третьими лицами качеств юридического лица и его продукции». В качестве главного критерия определения стоимостной оценки причиненного юридическому лицу морального вреда автор предлагает использовать тяжесть для лица экономических последствий от распространения порочащих сведений [40, с. 98-99]. Сторонниками компенсации морального вреда юридическому лицу являются и другие авторы.

Критикуя данное мнение, С. В. Потапенко указывает, что правила ст. 152 ГК РФ о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица, при этом «термин «соответственно» означает применимость только тех положений данной нормы, которые соответствуют правовой природе юридического лица. Компенсация морального вреда под такое соответствие не подпадает» [41, с. 70].

А. Тренклер также считает, что нравственные и физические страдания может претерпевать лишь человек, обладающий сознанием и телом. «Юридическое лицо как организация не способно испытывать подобные ощущения. Таким образом, в рамках действующего законодательства невозможна компенсация морального вреда юридическому лицу, поскольку нельзя компенсировать то, чего нет и быть не может» [56, с. 143].

По данной проблеме нет единства взглядов и в судебной практике, причем позиции Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ расходятся диаметрально. В частности, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [11] разъясняется, что правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица. Аналогичное положение содержится и в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [10].

Также и сложившаяся судебно-арбитражная практика в области защиты деловой репутации юридических лиц не отличается единообразием при решении вопроса о возможности взыскания в пользу юридических лиц морального или нематериального вреда.

Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 1 декабря 1998 г. № 813/98 указано, что право на компенсацию морального вреда предоставлено только физическому лицу, в отношении же юридического лица иски о компенсации морального вреда удовлетворены неправомерно [15].

В постановлении Президиума ВАС РФ от 5 августа 1997 г. № 1509/97 подчеркнуто, что согласно ст. 151 ГК РФ моральный вред может быть причинен только гражданину, но не юридическому лицу [16].

Более того, арбитражные суды иногда отказывают в удовлетворении требований о компенсации морального вреда, заявленных индивидуальными предпринимателями, ссылаясь на то, что, осуществляя предпринимательскую деятельность, они действуют как юридическое лицо [20].

В то же время в постановлении Президиума ВАС РФ от 23 января 2007 г. № 11984/06 указывалось, что гражданин, являющийся индивидуальным предпринимателем, вправе наряду с требованием о защите деловой репутации заявить требование о возмещении морального вреда, причиненного действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага [13].

Прямо противоположную позицию занимают другие арбитражные суды, указывая, что за нанесение вреда деловой репутации юридического лица с виновного лица

может быть взыскана компенсация, предусмотренная ст. 152 ГК РФ. В частности, в постановлении суда указывалось, что при умалении деловой репутации юридическое лицо не лишено права на защиту нарушенного нематериального блага в виде предъявления требования о возмещении нематериального вреда путем выплаты причинителем вреда денежной компенсации, которая по своей природе является аналогом компенсации морального вреда, причиненного гражданину [27, с. 47].

Представляется, что будет справедливым отнесение деловой репутации к нематериальным активам организации наряду с такими, как установившиеся связи, сложившаяся клиентура, имя компании, бренд и т. д. В условиях рыночной экономики деловая репутация компании становится одним из определяющих условий ее успешного и стабильного функционирования. Несмотря на то, что деловая репутация отнесена законом (ст. 128 ГК РФ) к нематериальным благам, это не препятствует ни ее денежной оценке, ни возможности передачи (ст. 1027, 1042 ГК РФ).

Сторонники компенсации морального вреда юридическому лицу подчеркивают внешнее подобие умаления деловой репутации гражданина и юридического лица, хотя и отмечают при этом неспособность организации испытывать нравственные или физические страдания. В этой связи рядом авторов предлагается по отношению к юридическим лицам ввести институт компенсации так называемого «неимущественного (нематериального) вреда» по аналогии с *non-pecuniary damage*, используемым в английском праве [27, с. 47].

В последнее время в научной литературе применительно к компенсации нематериальных потерь юридического лица употребляется и термин «репутационный вред (ущерб)», который описывает явление, вошедшее в судебную практику по делам о защите деловой репутации юридических лиц и являющееся распространенным правовым явлением.

М. А. Рожкова полагает, что сформировавшаяся в судебной практике позиция, подтверждающая для юридических лиц возможность требовать денежной компенсации неимущественных потерь, не может строиться на основе применения института компенсации морального вреда к юридическим лицам, в связи с чем она предлагает ввести новый термин – так называемый «репутационный ущерб». При этом такой ущерб связывается с «убылью самой деловой репутации» юридического лица, т. е. выражается, по ее мнению, в утрате доверия партнеров, снижении интереса у потенциальных контрагентов, негативном отношении клиентов, что

может привести даже к ликвидации бизнеса [45, с. 71-72].

Как правило, под данным вредом понимается нематериальный вред, т. е. неблагоприятные последствия нематериального характера, которые не поддаются точному исчислению, а также в большинстве случаев приводят или могут привести к убыткам, представляющих собой материальное выражение. Таким образом, репутационный вред – это такие последствия правонарушения, которые не имеют стоимостной формы, независимо от наличия физических и нравственных страданий, присущих исключительно физическому лицу [29, с. 150].

Сформулированные в ст. 152 ГК РФ правила о защите деловой репутации гражданина, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица. Данная статья предусматривает следующие способы защиты деловой репутации гражданина: опровержение; возмещение убытков; компенсацию морального вреда. В отношении возможности юридического лица требовать по суду опровержения порочащих его деловую репутацию сведений или возмещения убытков, причиненных распространением таких сведений, сомнений не возникает [27, с. 50].

Что же касается компенсации морального вреда, представляется, что положения ст. 152 ГК РФ явно недостаточны для того, чтобы говорить о существовании нормативной базы для возмещения морального вреда юридическому лицу. Правила, касающиеся компенсации морального вреда, не могут применяться при защите деловой репутации юридического лица. В противном случае это противоречило бы понятию морального вреда, содержащимся в ч. 1 ст. 151 ГК РФ.

Кроме того, вполне ясно, что возмещение морального вреда юридическому лицу противоречит, в том числе, и здравому смыслу. Использование же по отношению к юридическому лицу аналогов понятия «моральный вред», как то «нематериальный вред», «неимущественный вред», «нематериальные убытки», «репутационный ущерб» и т. д., представляется нелогичным не только по причине фактического отсутствия сферы применения данного института, а следовательно его бесполезности.

Другим обстоятельством, которое затрудняет практическое использование этого института, является отсутствие каких-либо критериев для определения размера компенсации нематериального вреда, причиненного деловой репутации юридического лица, видимо, потому, что законодатель едва ли допускал возможность его возмещения [27, с. 50].

Указание в ст. 151 ГК РФ на то, что моральный вред – это нравственные или физические страдания, причиненные гражданину, свидетельствует о том, что законодатель исходит из дифференцированного подхода к регулированию отношений по поводу компенсации морального вреда в зависимости от того, какому субъекту, гражданину, юридическому лицу, публичному образованию причинен соответствующий вред. При этом законодатель также исходит из отсутствия идентификации граждан и юридических лиц и адекватно этому строит правовую регламентацию отношений по поводу компенсации морального вреда. Поскольку юридическая природа организаций как юридических лиц не предполагает претерпевания ими физических или нравственных страданий в результате распространения порочащих их деловую репутацию сведений, то компенсация морального вреда юридическому лицу противоречит самому существу данного способа защиты нарушенных гражданских прав.

Высший арбитражный суд РФ также придерживается мнения, что нельзя применять к юридическим лицам понятие морального вреда, соответственно невозможно удовлетворять требования о его компенсации [36, с. 92].

Так, во взыскании морального вреда было отказано по мотиву того, что крестьянское (фермерское) хозяйство является юридическим лицом [14].

Следует, однако, отметить, что ст. 150-152 ГК РФ закрепили юридическое равенство граждан и юридических лиц на возмещение морального вреда и защиты деловой репутации. Вместе с тем, при анализе содержания названных статей обнаруживается ограниченность права юридического лица на возмещение морального вреда. Он возмещается лишь в случае распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица. Представляется, что в случае умаления чести и достоинства юридического лица речь на самом деле идет об утрате деловой репутации, доброго имени и т. д., что может отрицательно повлиять на коммерческую или иную деятельность юридического лица [36, с. 94]. Моральный вред в этом случае понимается как всякие отрицательные последствия нарушения личных неимущественных прав юридического лица, связанные с умалением его имущественного состояния.

Выводы. Современные ученые-цивилисты определили ряд проблем правового регулирования отношений по возмещению (компенсации) морального вреда, к числу которых в первую очередь относят отсутствие полного и адекватного определения дефиниции морального вреда, необоснованное ограничение перечня способов компенсации морального вреда, отдельные коллизии терминологического

аппарата, отсутствие методики установления размера компенсации морального вреда, так и полного перечня критериев определения величины компенсации морального вреда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в работе вопросы позволили нам сформулировать следующие выводы.

В российском праве институт возмещения морального вреда прошел длинный путь развития, начавшийся еще в период действия Русской правды, причем развитие его протекало очень медленно. С принятием новых законодательных актов нормы, предусматривавшие ответственность за причинение морального вреда, почти не изменялись. Кроме того, к самой идее о денежном возмещении морального вреда в российском государстве сложилось достаточно негативное отношение, имевшее место как в дореволюционной России, так и в советское время. Несмотря на это, исследования советских ученых стали методологической основой создания современного института компенсации морального вреда.

Несмотря на то, что в действующем законодательстве понятие морального вреда закреплено, среди ученых-цивилистов до сих пор идет терминологическая дискуссия, которая хотя и правильная по существу, однако ведущая только к запутыванию проблемы, поскольку очевидно, что, используя понятие «моральный вред», законодатель на самом деле вкладывается в него более широкое содержание.

Современные ученые-цивилисты определили ряд проблем правового регулирования отношений по возмещению (компенсации) морального вреда, к числу которых в первую очередь относят отсутствие полного и адекватного определения дефиниции морального вреда, необоснованное ограничение перечня способов компенсации морального вреда, отдельные коллизии терминологического аппарата, отсутствие методики установления размера компенсации морального вреда, так и полного перечня критериев определения величины компенсации морального вреда.

На основе изученных в работе вопросов мы сформулировали следующие предложения по совершенствованию российского правового регулирования отношений по возмещению морального вреда.

Во-первых, представляется целесообразным установление в ст. 151 ГК РФ презумпции причинения морального вреда любым противоправным посягательством на неимущественные права потерпевшего. С одной стороны, такая норма сможет освободить истца от необходимости доказывать факт наличия нравственных или физических страданий (несмотря на то, что наличие последних доказать проще). С другой стороны, подобное нормативное положение даст шанс нарушителю опровергнуть данную презумпцию, доказав, что его поведение спорных последствий не повлекло.

Во-вторых, видится необходимым законодательное закрепление общих для всех судов правил определения критериев размеров компенсаций, методики определения их окончательных размеров, а также для отдельных случаев установление твердых денежных сумм компенсации, что позволит уменьшить границы судейского усмотрения и охватить большинство встречающихся на практике случаев причинения морального вреда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., принятая всенародным голосованием (с поправками от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 3-2. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС СССР 2 июля 1991 г. № 2281-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – №

30. – Ст. 862. – (Утратил силу.)
6. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (в ред. 26.11.2001) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733. – (Утратил силу.)
 7. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (в ред. 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407. – (Утратил силу.)
 8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (в ред. 26.11.2002) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592. – (Утратил силу.)
 9. Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 26. – Ст. 492. – (Утратил силу.)

Материалы судебной практики

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в ред. 06.02.2007) // «Российская газета». 08.02.1995. № 29.
3. Определение Верховного Суда РФ от 3 октября 2016 г. № 22-КГ16-7.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 23 января 2007 г. № 11984/06 по делу № А79-2305/2006 // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 4.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 23 мая 2006 г. № 16140/05 по делу № 5-70/04 // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 8.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 1 декабря 1998 г. № 813/98 по делу № А70-1806/5-97 // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 2.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 5 августа 1997 г. № 1509/97 // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 12
8. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 25 июля 2017 г. по делу № 33-7362/2017.
9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 3 июля 2017 г. по делу № 33-2454/2017.
10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13 мая 2014 г. № 33-6262/2014 по делу № 2-509/2014.

11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 6 мая 1998 г. № А05-6760/97-433/7.

Научная литература

1. Агарков М. М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 1. – С. 55-74.
2. Багдасарова А. Е. Актуализация правового регулирования отношений по компенсации морального вреда в контексте систематизации проблем их законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4 (77). – С. 72-79.
3. Беляцкий С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. – М.: Городец, 1996. – 76 с.
4. Богдан В. В. Компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей: проблема эффективности // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С. 50-53.
5. Воробьев С. М. Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование): Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2014. – 535 с.
6. Геворкян Т. В. Некоторые вопросы определения и возмещения морального вреда // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 10-6. – С. 69-71.
7. Жаглина М. Е. К вопросу о компенсации «репутационного» вреда юридическому лицу // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 46-51.
8. Зейц А. М. Возмещение морального вреда по советскому праву // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 47. – С. 1465-1466.
9. Ибрагимова А. И. Некоторые важные проблемы возмещения вреда и убытков // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7 (74). – С. 162-166.
10. Иммель Л. А. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав в сфере биотехнологий // Проблемы в российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 83-86.
11. Капустенский К. В. Правовые основы компенсации морального вреда: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2005. – 187 с.
12. Клочков А. В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 2004. – 168 с.
13. Колесникова М. М., Семенов А. В. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 72-86.

14. Костенкова И. Ю., Юлова Е. С. Предмет доказывания по делам о компенсации морального ущерба // Вестник МИЭП. – 2017. – № 2 (27). – С. 71-81.
15. Лукьянова Н. А. Проблемные вопросы компенсации морального вреда // Актуальные вопросы юридических наук: сборник материалов конференции. – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 68-70.
16. Малый А. В. Возмещение морального вреда юридическому лицу // Вестник ОГУ. – 2010. – № 3 (109). – С. 92-96.
17. Маросина В. В. Проблемы возмещения морального вреда в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2018. – № 4. – С. 149-151.
18. Михно Е. А. Проблема возмещения морального вреда // Правоведение. – 1992. – № 5. – С. 89-94.
19. Пешкова О. А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 1998. – 25 с.
20. Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. – 1995. – № 11. – С. 94-99.
21. Потапенко С. В. Судебная защита деловой репутации юридических лиц от диффамации // Право и экономика. – 2000. – № 6. – С. 69-71.
22. Пушкина Т. Н. Критерии определения размера компенсации морального вреда как основная проблема гражданско-правового института морального вреда // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – № 1. – С. 170-175.
23. Редько Е. П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Абакан, 2009. – 207 с.
24. Родионов О. В. О некоторых проблемах компенсации морального вреда // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – № 18. – С. 181-184.
25. Рожкова М. А. Два вопроса, возникающие при рассмотрении в арбитражных судах дел о защите деловой репутации: оспаривание оценочного мнения и компенсация репутационного ущерба // Закон. – 2009. – № 12. – С. 56-75.
26. Романов В. С. Моральный вред как институт гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2006. – 129 с.
27. Сергеев И. В. Правовое регулирование института возмещения морального вреда в праве Российской Империи (генезис и дальнейшее развитие во второй половине XIX – начале XX века) // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 28-35.
28. Сисакьян А. К. Развитие законодательства и научных представлений о компенсации морального вреда в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 29 (244). – С. 95-98.

29. Складанная Т. А. Понятие морального вреда и компенсации в российском праве // Территория науки. – 2014. – № 4. – С. 117-125.
30. Сливкина Е. Ф. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Молодой ученый. – 2018. – № 8. – С. 92-95.
31. Степанов М. А. Заключение экспертиз как средство доказывания по делам о компенсации морального вреда // Закон и право. – 2002. – № 6. – С. 15-20.
32. Табунщиков А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве: Монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 124 с.
33. Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда: проблемы теории и практики // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 66-68.
34. Таройкина О. С., Зимнева С. В. Отдельные проблемы возмещения морального вреда // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 12. – С. 200-202.
35. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 456 с.
36. Тренклер А. Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном суде // Хозяйство и право. – 2001. – № 5. – С. 137-144.
37. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. – М.: Госюриздат, 1951. – 239 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Критерии для определения размера компенсации морального вреда

(по ст. 151 ГК РФ)

Судом должны учитываться:

Степень вины нарушителя

Степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред

Иные заслуживающие внимания обстоятельства

Требования разумности и справедливости

Характер физических и нравственных страданий должен оцениваться судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего